

Александр Злищев

Х О Л О Д Н О

Александр Злищев

Холодно

«Издательские решения»

Злищев А.

Холодно / А. Злищев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961718-7

Сборник стихотворений «Холодно», это очередной эксперимент над словом поэта Александра Злищева. Это второй по счёту сборник автора, чьё творчество вряд ли кого-то оставит равнодушным.

ISBN 978-5-44-961718-7

© Злищев А.
© Издательские решения

Содержание

стихотворения	6
Эхо	6
Посмотри в окно	7
Поезд	8
Холодно	9
Декабрь	10
На мосту	11
Беда	12
Полночь	13
Фельетон	14
Скрипка	15
Город	16
Серое небо	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Холодно

Александр Злищев

© Александр Злищев, 2019

ISBN 978-5-4496-1718-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХОТВОРЕНИЯ

Эхо

Я вспоминаю дом всё чаще вечерами.
Берёзки, тополя, и серый свой район.
Но так противно жить в прокуренной печали,
И слушать в тишине сердечный камертон.

А все эти стихи – дурацкая затея.
Я много перебрал унылых, скучных строк.
Но каждый раз, когда рождается идея,
Перед собой кладу очередной листок.

Я знаю, что не стать мне гением эпохи.
И не стремлюсь попасть на полосы газет.
С тех пор, как я узнал про выдохи и вдохи,
Мне нужно просто жить, и видеть белый свет.

Мне жалко тех людей, которые в запоях.
Которые любовь не поняли совсем.
И с головы до пят я был в таких помоях,
Но вовремя пошёл по ветру перемен.

И хочется дышать мне жадно каждой порой,
И хочется забыть Есенина в себе.
Но, видно, крепко сел воронежской подковой
К его кобыле я и в песне, и в стихе.

А так, начистоту – приятно откровенно,
Что хриплый голос мой однажды прозвучал
В Норильске, Душанбе, в Германии у Рейна,
При том, что отродясь в тех далях не бывал.

И, значит, не спроста я бормотал ночами
В студийный микрофон душевные стихи.
Но, помню, злился, да, когда не различали
Где гений был Сергей, а где были мои.

Но всё ушло в года, и всё теперь спокойно.
Я молод, не забыт, на месте две руки.
Шагаю по стране размеренно, покойно,
И в уши раздаю вам разные стихи.

Посмотри в окно

Посмотри в окно,
Там белым бело.
Замело поля,
И не видно края.

Никого вокруг,
Только белый пух.
Милая земля
Дремлет замирая.

Снится ей капель,
И весенний хмель,
Свиристели трель,
Да побегу мая.

Но бело кругом
За моим окном.
Спи, моя земля,
Милая, родная.

Поезд

Летают мошки, и фонарь горит.
Они живут по странному закону.
Я на перроне. Кто-то говорит
Что поезд приближается к перрону.

Я еду в ночь, в вагоне тишина.
Моргает сон зелёными часами,
А за окном огромная страна,
Да фонари с косыми проводами.

И в этом есть какая-то печаль,
Как ноября четвёртая неделя.
И мы летим как мошки на фонарь,
Который нам горит в конце тоннеля.

Холодно

Летела жизнь, и тучи над Невой.
Холодный ветер задирает ворот.
Ползёт река по городу змей,
И до костей пронизывает холод.

Летела жизнь как мусорный пакет,
Который ветер гонит в переулке.
Холодный дом, расшатанный паркет,
Советский шкаф, и мятые окурки.

Ползёт по рельсам ледяной трамвай,
Гремит болтами, искрами харкая.
Молодожёны делят каравай,
Их ждёт Сухум, или огни Паттайя.

А я сижу за кухонным столом
Холодный чай и твёрдое печенье.
Ты позвонила завтра, а потом
Я посвятил тебе стихотворение.

Так и живём. Сегодня на потом.
Ещё сезон какого-нибудь мыла.
Свалилась ночь, и мы уже идём
Туда где тускло, серо и уныло.

Гремит трамвай по треснутой «губе»,
И холода отсрочили гниенье.
Все мои мысли только о тебе.
Лови, как есть, моё стихотворение.

Декабрь

Горит фонарь в глухую темноту,
Ползёт луна, как призрачный корабль.
И подводя досадную черту
Смеётся надо мной декабрь.

Смеюсь и я до боли и до слёз,
Такая безобразная картина:
Как среди белых, ситцевых берёз
Валяется гнилая древесина.

Меня всё больше веселит печаль,
Эмоции, абстракции, предметы.
Но есть одна серьёзная деталь —
Мне важно – где, и почему, и с кем ты.

Но так угрюма сумрачная гать,
Ведь канарейку не загонишь в клетку.
И если ты готова рисковать —
Садись играть в подпольную рулетку.

Взгляни на эту псевдокрасоту,
Я на неёзираю горделиво,
Как пугало в заброшенном саду
Среди шелковицы и белого налива.

Летит снежок, и таит на земле,
Чернее ночь кофейного осадка.
Что, если ты вздыхаешь обо мне,
Когда паршиво без тебя, и гадко?

Скрипит зубами нервная дрожь,
На занавесках лунное свечение.
И как на пытках раскаленный нож
Кромсает ум сие стихотворение.

Но не стихи, ни вера, ни любовь
Так не вздымают длинные ресницы,
И не сгибают удивлённо бровь
В проекции условной единицы.

Летит снежок, и тает на руке.
Горит в окне весёлая гирлянда.
И курит ночь декабрь в мундштуке
Сбивая пепел чище бриллианта.

На мосту

Как душевно, однако.
Какая-то грусть накатила.
Я стою на мосту, как поэт —
Обнимаю перила.

Подо мною Нева.
Проплывает широкая баржа.
И чернее воды этой,
Разве что, жирная сажа.

Почему-то кричит
Бестолковая серая чайка,
И блестят на воде,
Как мозаика, огни Эрмитажа.

Скоро осень придёт,
И поэтов возьмёт под опеку.
То ли выпить бокальчик вина,
То ли броситься в реку?

Беда

Написать бы чего, но нет.
Словно я уже всё сказал.
Среди скучных уснул газет
Моей мысли скупой вокзал.

Скучно мне и тоскливо, да.
Накрутил сам себе печаль.
За порогом моим года
Провожает старик февраль.

Мне бы девушку, да коньяк.
Я бы ей сочинил бы стих.
Но я всех растерял, дурак.
Они спят у друзей моих.

И глядит на меня луна.
Ей тоскливо в ночи одной.
Я один, и она одна.
Только глупо сидеть с луной.

Полночь

Мои стихи, и книги, и окурки —
Всё на столе, и полночь на часах.
И капилляры у меня в глазах,
Что кракелюр на белой штукатурке.
И километры слов в карандашах.
И сотни мыслей в жилистой фигурке.

А за окном январь и полумрак.
Меня тошнит от этого расклада.
Зима всегда как новая блокада,
Но из неё не вырваться никак.
И лает пёс на улице, дурак.
Ему для счастья очень мало надо.

А бледный ветер ломится в окно
Стучит ветвями по стеклу настырно.
И если б он имел своё лицо,
Наверняка смеялся бы ехидно.
Пришёл февраль на белое крыльцо,
И наблюдает в двери любопытно.

Так одиноко в этой пустоте.
Так надоели серые обои,
И этот запах прошлогодней хвои,
И эта жизнь в голодной нищете.
Стране нужны холопы, и герои,
Но мы с тобой не эти, и не те.

А завтра будет новое вчера.
И чудеса не свалятся под ноги.
Мы так боимся покидать берлоги,
Хотя, давно решили, что – пора.
Но мы вернемся вечером, в итоге
Топтать узоры старого ковра.

Фельетон

Так это странно, милая. Пишу,
А сам не знаю что писать в итоге.
Могу понять, как я устал в дороге,
Но я об этом слова не скажу.

Ты знаешь, я по-новому смотрю
На всё вокруг широкими глазами.
Смотри, луна маячит за домами.
Я от неё, пожалуй, прикурю.

Не говори ни слова о любви.
Уже тошнит от сладкого, родная.
Меня теперь не выгнать из трамвая,
Который мчит в глухие пустыри.

Я не дарю тебе весь этот мир
Лишь потому, что не имею мира.
Вся эта чушь изрядно утомила,
Как золотой залатанный мундир.

Я не хочу быть копией того,
Кто обещал над головой ни тучи.
Купи билет домой, на всякий случай,
Со мной, порой, бывает не легко.

Делить с тобой нагретую кровать,
И целовать колени на повторе...
Я разлюбил романтику и море,
Таких нельзя, как минимум, понять.

Так это странно, милая, опять
Ловлю себя на мысли одиночной,
Такой абсурд, но совершенно точно
Я так боюсь тебя не потерять.

Боюсь измен и новых перемен,
Зевать веся сто лет на телефоне.
Копить года и банки на балконе,
И выбивать семейный гобелен.

Но не могу не думать и о том,
Что не хочу терять тебя напрасно.
Так это всё нелепо и ужасно,
Как не совсем удачный фельетон.

Скрипка

Скрипка мне пилит глотку,
Режет смычком уныло.
Дайте мне стопку водки,
Я поминаю лиру.
Я не пригоден миру.
Я безнадежно робкий.
Дайте мне стопку водки.

Выкиньте нахер скрипку!
Дайте гармонь в три ряда!
Мне ничего не надо,
Просто, смени пластинку.
Просто смени картинку
В зелень густого сада.
Вот, где моя отрада.

Пилит и пилит скрипка,
Жилы на шее рвутся.
Дайте мне ту блондинку,
Я с ней хочу проснуться.
С милой её улыбкой.
Сердце моё на блюде.
Пилит и пилит скрипка...

Город

В мой зрачок помещается город
С одиночеством шумной толпы.
И преследует мраморный холод
От парадной до Невской губы.

Облака как бетонные плиты
Разбросало на тысячи вёрст.
Их дороги дождями размыты,
Как слезами в поминки погост.

Я не стар, но уже и не молод.
Память строит надёжный оплот.
Мне достался простуженный город
Трёхсотлетних прокисших болот.

И в затравленном городе этом,
Шерстяное накинув пальто,
Бродит где-то забытое лето,
Как тоннельные ветры метро.

А когда этот город разложит
Штабелями нас в чёрный барак,
Разобью я об облако рожу,
Как под лёд угодивший рыбац.

Серое небо

Сколько ещё нам топтаться у рая?
Крохи ломаем для первого вдоха.
Всё это плохо, я знаю, родная.
Всё это плохо, всё это плохо.

Есть ещё порох, и ты это знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.